

Настина Екатерина Александровна
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация
enastina@hse.ru

Колколенков Данила Андреевич
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация
kolkolenkov@gmail.com

Алмакаева Анна Михайловна
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация
aalmaeva@hse.ru

Сравнительный анализ подходов к оценке гражданского общества в регионах России⁴²⁷

Аннотация. Гражданское общество в регионах России развивается крайне неравномерно, и эту гетерогенность необходимо принимать во внимание. В данный момент существует целый ряд подходов к определению гражданского общества и целый ряд методик для его оценки в региональной перспективе, однако их сравнительный анализ еще не проводился. Используя корреляционный анализ, данная статья заполняет этот пробел. Исследование показало, что даже сходные по содержанию и набору показателей методики могут давать различные результаты. Основными причинами таких различий являются как особенности концептуализации и операционализации, так и способы кластеризации или расчета рейтингов. В работе приведены альтернативные источники данных для оценки состояния гражданского общества в регионах, а также предложены идеи для будущих исследований.

Ключевые слова: гражданское общество; региональная перспектива; межсекторное партнерство; благотворительность, рейтинги

Nastina, Ekaterina Aleksandrovna
National Research University «Higher School of Economics»,
Moscow, Russian Federation
enastina@hse.ru

Kolkolenkov, Danila Andreevich
National Research University «Higher School of Economics»,
Moscow, Russian Federation
kolkolenkov@gmail.com

⁴²⁷ Статья написана в рамках гранта Российского научного фонда «Ценностная трансформация и субъективное качество жизни: региональная перспектива» (№ 18–18–00341).

Almakaeva, Anna Mikhailovna
National Research University «Higher School of Economics»,
Moscow, Russian Federation
aalmakaeva@hse.ru

Approaches to civil society assessment in Russian Federation: regional perspective⁴²⁸

Abstract. Civil society in Russian Federation develops in a non-uniform manner. This heterogeneity has attracted attention of national researchers who pioneered or adopted diverging approaches and techniques for civil society assessment in regional perspective, yet their comparison has not yet been attempted. The current study aims to address this gap by using correlation analysis. It is found that even those rating which focus on the same aspect of civil society yield rather varying results. The main reason for it lies in the fact that different conceptualization, operationalization and measurement or classification approaches are used by different scholars. The study points to alternative sources of data which could be used to assess the level of development of civil society in a given region as well as provides some ideas for future research

Keywords: civil society; regional perspective; intersectoral collaboration; charity; ratings

Введение

В последние десятилетия гражданское общество оказалось в центре внимания социально-политических наук [Ehrenberg, 2017], и это неудивительно. Необходимость его изучения определяется ключевой ролью в создании эффективно функционирующего государственного аппарата и политических институтов в целом [Newton, 2001; Алексеров, Беляева, 2017]. В России понятие «гражданское общество» прочно вошло в официальный дискурс в середине 2000-х годов на волне формирования Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека в 2004 году и Общественной палаты РФ в 2005. Начиная с 2006 года, Общественная палата РФ ежегодно публикует отчеты о состоянии гражданского общества в стране, опираясь и на данные официальной статистики, и на данные социологических исследований. Подобный информационный запрос со стороны правительства, бизнеса и самого гражданского общества послужил стимулом для осмысления данного предметного поля [Якобсон, Мерсиянова, Кононыхина, Беневоленский, Памфилова, Проскуракова, Туманова, 2011].

Уже в первом ежегодном отчете Общественной палаты аналитики обращают внимание на региональную неоднородность гражданского общества [Общественная палата Российской Федерации. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации, 2006]. В отчете общественной палаты 2008 года говорится о необходимости создания интегрального рейтинга, который позволил бы корректно

⁴²⁸ This article is supported by the Russian Science Foundation under grant no. 18-18-00341.

оценивать и сравнивать уровень развития гражданского общества в субъектах РФ [Общественная палата Российской Федерации. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации, 2008]⁴²⁹. С тех пор региональные различия чаще стали вызывать интерес у социологов. В литературе даже появился термин «региональное гражданское общество» [Шабунова, Афанасьев, Гужавина, Дементьева, Кожина, Ластовкина, 2015].

Было предпринято несколько попыток разработки и применения методологии для оценки уровня развития гражданского общества в муниципальных образованиях РФ [Алескеров, 2005; Алескеров, 2008], однако подобные исследования неизбежно сталкиваются с рядом трудностей. Одна из них состоит в том, что, несмотря на частое использование понятия «гражданское общество», до сих пор не наблюдается консенсуса относительно его определения и структуры. Эта проблема касается как публичного, так и научного дискурса [Мотрошилова, 2009]. В самом общем виде его принято трактовать достаточно широко, объединяя понятия гражданской активности и «третьего сектора» [Pagoulatos, Kastritis, 2013]. Так, относительно конвенциональным на сегодняшний день является следующее определение Анхейера: «Гражданское общество – совокупность институтов, организаций и индивидов, расположенных между семьей, государством и рынком, которые добровольно объединяются на основании общих интересов» [Anheier, 2013: 20]. Подобная широкая дефиниция имеет и свои недостатки. Даже региональные общественные палаты по-разному определяют гражданское общество и, как следствие, анализируют отличающиеся друг от друга наборы показателей [Гегедюш, 2012]. В свою очередь, вариация в операционализации, а также в источниках и методах анализа данных способна привести к разным и даже радикально противоположным оценкам [Anheier, 2013]. Проблема осложняется еще и тем, что в большинстве работ используется один и тот же термин – «гражданское общество». В таком случае вероятна ситуация, когда в зависимости от выбранной методики измерения гражданское общество в регионах будет обуславливать различный набор факторов. Для внесения ясности необходимы исследования, позволяющие наглядно сравнить имеющиеся методики.

Данная статья направлена на заполнение этого пробела. Ее цель состоит в том, чтобы: 1) сделать обзор существующих подходов к оценке гражданского общества в регионах Российской Федерации; 2) сравнить стратегию анализа и полученные результаты; 3) объяснить причины расхождения между методиками. Такой анализ следует рассматривать как приглашение к дискуссии о проблемах измерения гражданского общества в регионах России и выработке более согласованного подхода к его изучению.

⁴²⁹К реализации данной инициативы Правительство РФ приступило лишь десять лет спустя [Правительство Российской Федерации 2017]; более подробное описание данного инструмента содержится в следующей секции.

Обозначенные цели предполагают использование только тех работ, в которых итогом оценки гражданского общества является рейтинг или классификация регионов. Обзор научной литературы, материалов конференций и медиа публикаций позволил сформировать следующую базу для нашего исследования:

1. «Гражданское общество: социография субъектов РФ» [Петренко, Галицкая, 2008];
2. «Благоприятность предпосылок для развития гражданского общества в России: классификация регионов» [Мерсиянова, 2009];
3. АЯ- и МСП-рейтинги [Якимец, 2011];
4. «Классификация российских регионов по потенциалу развития гражданского общества» [Классификация российских регионов по потенциалу развития гражданского общества. Краткий отчет по итогам анализа данных, 2011];
5. «Благотворительность в Российских Регионах» [Благотворительность в российских регионах. Сводный отчет о реализации проекта, 2013];
6. «Рейтинг демократичности регионов московского центра Карнеги: 10 лет в строю» [Петров, Титков, 2013];
7. Результаты конкурсов МЭР среди субъектов РФ [Министерство экономического развития, 2013, 2014, 2015];
8. «Рейтинг частной благотворительности в регионах России» [Русфонд. Рейтинг, 2014];
9. «Наличие нормативно закрепленных механизмов взаимодействия общества и власти в субъектах Российской Федерации» [Ассоциация «Юристы за гражданское общество», 2017];
10. «Рейтинг субъектов Российской Федерации по итогам поддержки СО НКО и социального предпринимательства» [Министерство экономического развития, 2017].

Статья структурирована следующим образом. В первом разделе отражен обзор подходов, разделенных на 6 содержательных групп. Второй раздел посвящен корреляционному анализу рейтингов внутри выделенных подходов и внутри всей выборки. В третьем разделе обсуждаются причины обнаруженных различий в результатах рейтингов и классификаций. В заключении приводятся основные выводы и рекомендации для исследователей, занимающихся анализом гражданского общества в региональной перспективе.

Подходы к оценке гражданского общества в регионах РФ

Как уже было отмечено выше, все подходы были объединены в 6 групп на основе общности предметных подходов к исследованию гражданского общества. Сводная информация по каждому подходу представлена Приложении 1.

1. Гражданские практики и установки [Мерсиянова, 2009; Петренко, Галицкая, 2008];
2. Межсекторное партнерство [Якимец, 2011; Ассоциация «Юристы за гражданское общество». Итоги исследования наличия нормативно закреплённых механизмов взаимодействия общества и власти в субъектах Российской Федерации, 2017];
3. Уровень развития (СО) НКО [Министерство экономического развития, 2013, 2014, 2015, 2017];
4. Факторы развития гражданского общества [Классификация российских регионов по потенциалу развития гражданского общества. Краткий отчет по итогам анализа данных, 2011];
5. Благотворительность [Русфонд. Рейтинг, 2014; Благотворительность в российских регионах. Сводный отчет о реализации проекта, 2013];
6. Состояние гражданского общества [Петров, Титков, 2013].

Порядок освещения каждого направления в тексте работы будет следующий: год создания рейтинга, способ сбора данных (опрос, статистика, анализ документов и т.п.), количество регионов, показатели, способ расчета индекса и результаты группировки.

Гражданские практики и установки. В рамках данного подхода гражданское общество анализируется через призму установок и повседневных практик индивидов. Характерным примером является работа И. В. Мерсияновой [Мерсиянова, 2009]. Проект опирается на данные репрезентативного опроса в 68 субъектах (см. Приложение 2), проведенного в 2008 году по технологии «Георейтинг»⁴³⁰. Разработанный индекс включает в себя 7 показателей: *уровень социального доверия, предрасположенности к общественной солидарности и коллективным действиям, ответственности, ощущения личной безопасности, добровольчества и частной филантропии, информированности и участия*, сформированных на основе 15 индикаторов (см. Приложение 3).

Степень выраженности каждого индикатора в исследовании оценивалась по трехбалльной шкале (выражен плохо или слабо, средне, сильно или значительно выражен), после чего методом порогового агрегирования был построен интегральный индекс, варьирующийся в диапазоне от 0 до 1⁴³¹.

⁴³⁰ В рамках проекта «Георейтинг» (с 2011 года «МегаФОМ») проводился стандартизованный опрос населения от 18 лет и старше в количестве 34000 человек (500 чел. на субъект). Опрос проводится одновременно во всех регионах в форме интервью по месту жительства (face-to-face). Была использована территориальная трехступенчатая стратифицированная выборка домохозяйств.

⁴³¹ В отличие от метода линейного агрегирования, где решающее значение имеют экспертно-определяемые веса исходных индикаторов и действует эффект замещения одного показателя с низкими значениями другим показателем с высокими значениями, метод порогового агрегирования предполагает, что, начиная с какого-то порогового значения, невозможно компенсировать низкие значения одних индикаторов высокими значениями других. Метода подробно описан в: Алескеров Ф. Т., Якуба В. И. Метод порогового агрегирования трехградационных ранжировок // Доклады академии наук. – 2007. Том 413. № 2. С. 181–183.

В итоге все регионы были разделены на шесть групп:

1. «очень неблагоприятные» (3 субъекта РФ);
2. «неблагоприятные» (18 субъектов РФ);
3. «скорее неблагоприятные, чем благоприятные» (19 субъектов РФ);
4. «скорее благоприятные, чем неблагоприятные» (19 субъектов РФ);
5. «благоприятные» (6 субъектов РФ) и
6. «очень благоприятные» (3 субъекта РФ).

Аналогичный фокус на социальных практиках и установках индивидов представлен в статье Е. С. Петренко и Е. г. Галицкой [Петренко, Галицкая, 2008]. В ней используются данные уже упомянутого Георейтинга ФОМ за 2007 и 2008 годы (N=68). Авторы с помощью метода главных компонент сжимают отобранные показатели до 3-х измерений: *общественное доверие на дальней социальной дистанции; личная ответственность на дальней и средней социальной дистанции; личная гражданская активность на ближней социальной дистанции*⁴³².

Значения координат на обозначенных осях послужили основой для типологизации субъектов РФ с помощью иерархической кластеризации и кластеризации методом K-means. Были получены пять кластеров:

1. «гражданский», характеризуется высокими показателями по всем осям (19 субъектов РФ);
2. «патерналистский», высокое общественное доверие сочетается с отсутствием личной ответственности (9 субъектов РФ);
3. «активистский», высокая личная гражданская активность при отсутствии общественного доверия (11 субъектов РФ);
4. «индивидуалистский», высокая личная ответственность соседствует с низким общественным доверием и гражданской активностью (11 субъектов РФ);
5. «социально-депрессивный», низкие показатели по всем осям (18 субъектов РФ).

В последующем исследовании Петренко эта методика подверглась коррекции (2011). Регионы, лежащие в межкластерном пространстве (далекие от центров кластера) были исключены из анализа. В обновленном исследовании с использованием тех же данных, анализу подлежали 38 регионов, которые составили следующие кластеры: гражданский (11 субъектов), патерналистский (4 субъекта), активистский (8 субъектов), индивидуалистский (9 субъектов) и депрессивный (6 субъектов).

Межсекторное партнерство. Данный подход к оценке гражданского общества делает акцент на нормативно-правовой базе и диалоге между некоммерческим

⁴³² Стоит отметить, что 7 из 15 показателей идентичны показателям, использованным в индексе благоприятности предпосылок для развития гражданского общества Мерсияновой (2009). Использованные в обоих исследованиях индикаторы представлены в Приложении 3.

сектором, властью и обществом. Ярким примером такого подхода является «АЯ-рейтинг регионов по уровню продвижения механизмов межсекторного социального партнерства (МСП)» (методология описана в [Якимец, 2008]). Рейтинг [Якимец, 2011] основывался на анализе официальных документов региональной нормативно-правовой базы, обеспечивающей продвижение механизмов МСП в 83 субъектах РФ и рассчитывался в 2009 и 2011 годах. В ходе исследования были проанализированы более 1 000 нормативно-правовых актов, сформирован список из 12 механизмов МСП (см. Таблицу 1) и получена оценка 100 экспертов из Ассоциации «Юристы за Гражданское Общество» и других НКО. Наличие механизмов в нормативно-правовой базе региона переводились в шкалу от 0 до 1 (в рейтинге 2011 года 0 – 100), где 1 – наличие всех 12 механизмов. Экспертами из числа юристов некоммерческого сектора и лидеров региональных НКО также были предложены коэффициенты значимости механизмов. Таким образом, рейтинг представлен в двух вариантах: с учетом весов значимости каждого механизма МСП, и без учета весов. Результатом анализа стали ранжированные списки регионов, а также их классификация. Так, например, на основе весового АЯ-рейтинга регионы были сгруппированы следующим образом:

- 1) «передовики» (10 регионов), рейтинг от 0.75 и выше (9–12 механизмов);
- 2) «хорошисты» (47 регионов), рейтинг – от 0.5 до 0.75 (6–8 механизмов);
- 3) «средняки» (25 региона), рейтинг от 0.25 до 0.5 (4–6 механизмов);
- 4) «не реализовавшие свой потенциал» (1 регион), рейтинг ниже 0.25 (до 4)

Интересно отметить, что в 2009 году победитель рейтинга, Самарская область, набрал 0.89 балла, а в 2011 уже 4 региона получили возможный максимум – 1.

В 2011 году Якимец также опубликовал результаты «МСП-рейтинга» [Якимец, 2011]. По своей сути он основан на данных АЯ-рейтинга, но дополнен экспертными оценками уровня эффективности реализации механизмов МСП в регионе. Существует две модификации этой методики: с «региональными» весами, в которых были использованы только оценки экспертов данного региона, и с «федеральными», где механизмы МСП были оценены экспертами из всех регионов. Шкала для расчета и представление результатов МСП-рейтинга идентичны использованным в случае АЯ-рейтинга.

Аналогичный метод, однако с более узким фокусом на социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО)⁴³³, был применен для оценки взаимодействия общества и власти в субъектах РФ Ассоциацией «Юристы за Гражданское Общество» [Ассоциация «Юристы за гражданское общество». Итоги исследования наличия нормативно закрепленных механизмов взаимодействия

⁴³³НКО признается социально ориентированной, если она осуществляет в соответствии с учредительными документами деятельность, направленную на решение социальных проблем и развитие гражданского общества в Российской Федерации (см. п.31.1 ФЗ № 7). Такие НКО могут получать государственную поддержку.

общества и власти в субъектах Российской Федерации, 2017]. Специалисты ассоциации проанализировали 4842 региональных нормативно-правовых акта в 85 субъектах РФ. За соответствие НПА субъекта одному из разработанных критериев оценки (см. Таблицу 1) начислялся 1 или 0.5 балла. Значения полученного рейтинга варьировались от 1.5 (Забайкальский край) до 13 (Чукотская АО).

Таблица 1. Индикаторы, использованные в АЯ и МСП рейтингах и рейтинге «Юристов за гражданское общество»

АЯ и МСП рейтинги	«Юристы за гражданское общество» ⁴³⁴
Фонды местных сообществ	-
Социальный заказ	-
Гранты и субсидии	1) Закон/ 2) программа/ 3) подпрограмма/4)утвержденный комплексный план мероприятий /5)НПА о порядке реализации государственной поддержки СО НКО в субъекте (с указанием типов поддержки)
Налоговые льготы НКО и донорам	
Общественные палаты	1) Закон об Общественной палате и 2) работающий сайт Общественной палаты субъекта
Публичные слушания	Хотя бы 1 НПА о порядке реализации того или иного механизма общественного контроля в субъекте
Общественная экспертиза	
Институты по правам и человека и по правам ребенка	-
Молодежный парламент	-
Общественные советы при органах власти	Принятый подзаконный акт о порядке формирования общественных советов при органах власти
Механизмы развития малого и среднего предпринимательства	-
Регулирование благотворительной деятельности	1) Закон о поддержке и 2) НПА реально способствующие благотворительной деятельности в субъекте
-	1) Закон о поддержке и 2) НПА реально способствующие добровольческой деятельности в субъекте

Уровень развития (СО) НКО. Данный подход используется Правительством Российской Федерации для оценки эффективности институтов гражданского общества в регионах. Несмотря на то, что в официальных документах определение гражданского общества часто варьируется или вовсе отсутствует, фокус анализа здесь определяется практической задачей выработки государственной политики, способствующей развитию СО НКО и социального предпринимательства. Это находит отражение в постановлении Правительства Российской Федерации от 25 июня 2012 г. № 633 «Об организации официального статистического учета СО НКО», а также в распоряжении Правительства Российской Федерации от 19 июня 2017 г. № 1284-р «О порядке расчета рейтинга субъектов Федерации по итогам поддержки СО НКО и социального

⁴³⁴ Названия некоторых показателей представлены в таблице в сокращенном виде для удобства читателя. Номера обозначают что расчеты по каждому из индикаторов, указанных в одном пункте, производились отдельно.

предпринимательства». В последнем распоряжении отражен перечень из 12 используемых показателей (см. Таблицу 2), разделенных на три группы: *реализация механизмов поддержки СО НКО и социального предпринимательства; обеспечение доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере; внедрение конкурентных способов оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере.*

Рейтинг рассчитан для 85 регионов на базе данных Росстата, ФНС и отчетов органов исполнительной власти субъектов РФ за 2017 год и представлен Министерством экономического развития РФ (МЭР) с обоснованием примененных корректировок [2018]⁴³⁵. Для перевода значений показателей в рейтинговые баллы использовалась нормализация значений по масштабированной шкале до 100 (максимально возможный результат региона – 100 баллов). Итоговый балл региона рассчитывался как среднее значение всех показателей региона. Диапазон итоговых рейтинговых баллов составил от 42,8 у лидирующего региона (Ханты-Мансийский автономный округ-Югра) до 3,3 (Чукотский автономный округ).

В такой форме рейтинг был представлен лишь единожды, однако некоторые схожие показатели использовались при осуществлении конкурсных отборов субъектов РФ для предоставления субсидий из федерального бюджета на реализацию программ поддержки СО НКО в 2011–2015 годах⁴³⁶ [Министерство экономического развития РФ, 2013, 2014, 2015]. Оценка заявок по 100-балльной шкале проводилась на базе критериев, представленных в Таблице 2. Каждому критерию был присвоен коэффициент значимости таким образом, что 75 % оценочного балла региона зависели от принятой законодательной базы. Этот факт, а также фокус исключительно на некоммерческом секторе значительно отличают рейтинги по результатам конкурсных отборов 2013–2015 от рейтинга 2017 года.

Факторы развития гражданского общества. Внимание исследователей гражданского общества в регионах привлекают и факторы его развития. Так, в 2011 году ЦИРКОН классифицировал 82 субъекта РФ по потенциалу развития гражданского общества. Основной целью было определение «оптимального географического фокуса» для фондов-грантодателей [Классификация российских регионов по потенциалу развития гражданского общества. Краткий отчет по итогам анализа данных, 2011]. Исходные данные, включающие в себя официальную статистику и социологические опросы, были сформированы в комплексные переменные с одинаковым масштабом и весом (см. Таблицу 3).

⁴³⁵ Так, например, составителями рейтинга было использовано 10 показателей из 12 ранее заявленных, показатель «темпы роста количества СО НКО на территории субъекта Российской Федерации по отношению к предыдущему году» был изменен на показатель «количество СО НКО на 10 тыс. населения», а также все показатели стали относительными с процентными значениями.

⁴³⁶ На этих данных также базируется и рейтинг активности субъектов РФ Рудаковой, Захарова и Полевого (2016), однако результаты рейтинга не были представлены авторами, в связи с чем он не был включен в сравнительный анализ.

**Таблица 2. Индикаторы, использованные при составлении рейтингов
Министерства экономического развития 2013–2015 и 2017 годов**

Показатели ⁴³⁷	2011– 2015	2017
Темп роста количества (СО) НКО на территории субъекта РФ по отношению к предыдущему году	+	+
Объем выпадающих доходов бюджета субъекта РФ в связи с применением 1) (СО) НКО или 2) организациями, осуществляющими пожертвования, региональных налоговых льгот		+
Доля муниципальных районов и городских округов, реализующих программы по поддержке 1) (СО) НКО или 2) социального предпринимательства		+
Доля бюджетных ассигнований, направляемых на предоставление субсидий для поддержки СО НКО		+
Прирост средней численности/доля работников в негосударственных организациях	+	+
Доля негосударственных организаций в общем количестве организаций, оказывающих услуги в социальной сфере (с указанием сферы деятельности организаций)		+
Доля средств бюджета субъекта Российской Федерации, выделяемых негосударственным организациям на предоставление услуг		+
Прирост объема услуг, оказанных НКО на территории субъекта	+	
Прирост средней численности добровольцев, привлекаемых некоммерческими организациями	+	
Количество зарегистрированных на территории субъекта некоммерческих организаций управления целевым капиталом и объем их доходов	+	
Принятие и реализация субъектом Российской Федерации НПА по поддержке СО НКО	+	

**Таблица 3. Индикаторы, использованные при классификации регионов.
ЦИРКОН 2011**

Индикаторы	Содержание
Уровень жизни населения региона	младенческая смертность, продолжительность жизни, среднедушевой доход
Уровень развития экономики региона	ВРП, уровень безработицы, торговый оборот, инвестиции в основной капитал
Потенциал гражданской активности	доля городского населения, численность студентов, выпуск газет, число общественных организаций и малых предприятий
Декларируемый уровень институциональной общественной активности	участие в общественных организациях и добровольчество

Методом иерархического кластерного анализа авторы подразделили регионы на 6 типов (например, «Тип 1. Очень высокий уровень жизни. Высокий уровень развития экономики. Очень высокий потенциал гражданской активности. Высокий декларируемый уровень институциональной общественной активности»).

Благотворительность. Встречаются также и исследования, адресующие конкретные аспекты гражданского общества в российских регионах, например, благотворительность. Так, в 2013 году ЦИРКОН провел еще одно исследование, посвященное оценке состояния и потенциала благотворительной активности в субъектах РФ [Благотворительность в российских регионах. Сводный отчет о

⁴³⁷ Названия некоторых показателей представлены в таблице в сокращенном виде для удобства читателя. Номера обозначают что расчеты по каждому из индикаторов, указанных в одном пункте, производились отдельно.

реализации проекта, 2013]. Методология исследования базировалась на комбинации данных официальной статистики и экспертных оценок.

**Таблица 4. Индикаторы, использованные при классификации регионов.
ЦИРКОН 2011**

Индикаторы	Содержание
Экономика	показатели экономического развития региона (доходы регионального бюджета на душу населения, темпы роста экономики региона, эффективность промышленного производства в регионе и т.п.).
Социальный потенциал	показатели, характеризующие наличие и качество человеческих ресурсов для развития благотворительной активности (доля городского населения, число вузов на душу населения, число посещений театров на душу населения и т.п.).
Институты, инфраструктура	характеристики благоприятности среды (инвестиции в основной капитал на душу населения, удовлетворенность населения деятельностью органов исполнительной власти субъекта РФ, количество НКО на душу населения и т.п.).
Качество жизни	показатели, характеризующие уровень и комфорт проживания (индекс социального самочувствия, доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, среднедушевые денежные доходы населения и т.п.).

Этот проект можно подразделить на два основных этапа: «федеральный» (83 субъекта) и «региональный» (10 субъектов). В ходе федерального этапа был осуществлен анализ вторичных данных с целью составления расширенного списка факторов благотворительной активности в регионах, после чего была проведена экспертиза списка. В результате были отобраны 32 параметра, сгруппированные в 4 категории (см. Таблицу 4).

На их основе осуществлялась кластеризация регионов и отбирались «модельные регионы». Субъекты были объединены в 8 групп:

1. «Экономические середняки с отстающими институтами и качеством жизни»;
2. «Отстающие регионы (все показатели ниже среднего)»;
3. «Сильные регионы со средним качеством жизни»;
4. «Сильные регионы с отстающим социальным капиталом, но с повышенным качеством жизни»;
5. «Столицы»;
6. «Север Дальнего Востока»;
7. «Малонаселенный богатый север»;
8. «Аутсайдеры».

На региональном этапе было осуществлено экспертное оценивание состояния благотворительной активности в 10 отобранных регионах и описание основных региональных моделей.

«Русфонд» составил первый российский рейтинг частной благотворительности в регионах РФ [Русфонд. Рейтинг, 2014]. Для его создания использовалась методика Мирового рейтинга благотворительности⁴³⁸. Исходные данные были получены в ходе телефонного опроса 16449 респондентов в 54 регионах РФ на предмет их участия за последний год в следующих видах деятельности: *денежная благотворительность*; *волонтерская работа* (предоставление профессиональных услуг или помощь в организации мероприятий какому-либо благотворительному фонду или детдому/больнице, помощь по хозяйству пожилым людям и уход за больными на дому, ликвидации последствий стихийных бедствий, донорство крови, помощь в приютах); помощь нуждающимся незнакомым людям (помощь в руки на улице/ еда/ вещи).

Для рейтингования использовалась сумма положительных ответов на указанные вопросы, а итоговый показатель рассчитывался как среднее из трех компонентов.

Состояние гражданского общества. Оценка состояния гражданского общества также может входить в состав других рейтингов. Например, «Рейтинг демократичности регионов» московского центра Карнеги [Петров, Титков, 2013] содержит среди прочих такой показатель. Под гражданским обществом авторы понимают «неправительственные организации, референдумы, различные формы несанкционированной сверху общественной активности включая митинги, демонстрации, забастовки и др.». Рейтинг опубликован в 2013 году и использует метод экспертных оценок, что позволяет ранжировать 83 субъекта РФ. Шкала оценки предполагала определение субъекта с максимальным (5 баллов) и минимальным (1 балл) значениями признака на первом этапе, на втором этапе расставлялись оценки оставшимся регионам.

Таким образом, проанализировав содержание представленных выше рейтингов и классификаций, можно прийти к выводу, что существует целый ряд подходов к исследованию гражданского общества в регионах, и это неизбежно должно наложить отпечаток на получаемые в результате позиции субъектов. Мы предполагаем, что результаты рейтингов внутри выделенных подходов должны быть более схожи, чем в разных группах. С другой стороны, все они отражают состояние одного и того же концепта, «гражданское общество», и, следовательно, результаты из разных групп не должны различаться кардинально.

Сравнение результатов исследований

Для сравнения рейтингов и классификаций используется корреляционный анализ. Поскольку в ряде случаев результаты представлены в виде упорядоченной шкалы в 8 или менее делений применялся коэффициент ранговой корреляции

⁴³⁸ Всемирный рейтинг благотворительности CAF (World Giving Index), впервые составленный в 2010 году, ежегодно ранжирует более 140 стран на базе ответов респондентов из этих стран на вопросы компании Gallup World Poll о том, помогали ли они незнакомцу, осуществлении ли пожертвования и занимались ли волонтерской деятельностью за последний месяц.

Спирмена (r_s). Результаты расчетов коэффициента ранговой корреляции Кендалла (τ), осуществленные для проверки робастности, представлены в Приложении 4. Значимых расхождений между данными коэффициентами не выявлено.

Если результаты классификации нельзя было преобразовать в упорядоченную шкалу, сопоставляются регионы с «крайними» позициями в рейтингах. Анализ проводится в два этапа. На первом рассматриваются рейтинги, принадлежащие к одному из выделенных содержательных направлений, на втором – рейтинги, принадлежащие к разным подходам (см. Рис 1). Гипотезу можно считать подтвержденной, если средние коэффициенты корреляции внутри подхода окажутся выше средней корреляции во всей выборке. Рассмотрим результаты подробнее.

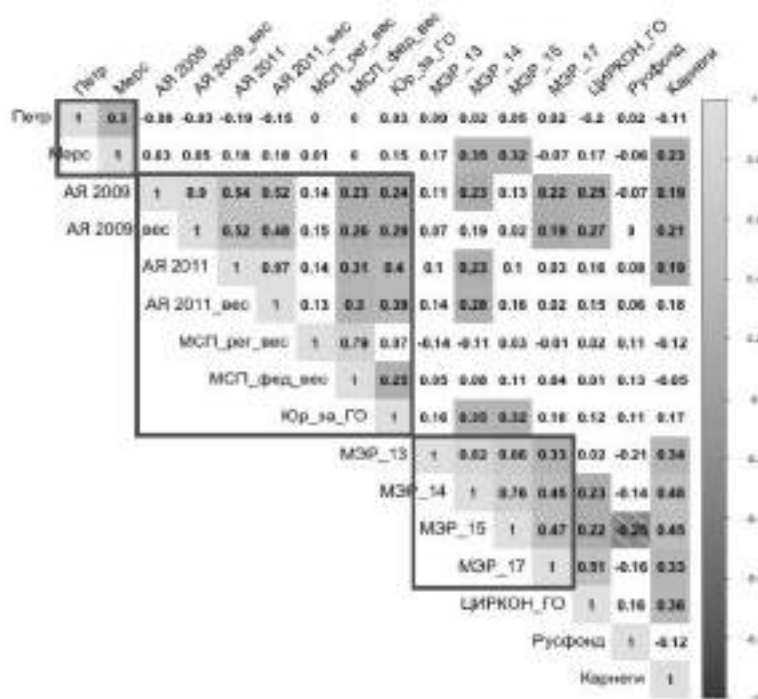

Рисунок 1. Коэффициенты корреляции Спирмена между различными рейтингами⁴³⁹

Гражданские практики и установки. Ограничение на сравнение двух работ в рамках этого подхода [Мерсиянова, 2009; Петренко, Галицкая, 2008] накладывают значительные различия в методиках исследований. В работе Мерсияновой [Мерсиянова, 2009] регионы были проранжированы по уровню благоприятности предпосылок развития гражданского общества, а в работе Петренко и Галицкой [Петренко, Галицкая, 2008] был применен метод кластеризации муниципальных образований. В исследовании был выделен «гражданский кластер», в котором все

⁴³⁹ Клетки со статистически значимыми корреляциями ($p < 0,1$) выделены цветом. Внутри квадратов располагаются значения коэффициентов корреляции для рейтингов и классификаций, принадлежащих к одному содержательному направлению. Как видно из шкалы справа, чем светлее оттенок серого, тем сильнее положительная связь между рейтингами, т.е. тем более они схожи.

индикаторы набрали самые высокие значения, и «социально-депрессивный кластер», в котором все они были рекордно низкие. Для сопоставления двух исследований результаты анализа Петренко и Галицкой [Петренко, Галицкая, 2008] были перекодированы в трехбалльную шкалу с «гражданским» и «социально-депрессивными» кластерами в качестве максимума и минимума соответственно. Оставшиеся регионы были отнесены к середине шкалы. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена в данном случае составил $r_s=0.30$ при $p<0.000$, что свидетельствует о наличии слабой связи между этими подходами.

Значимые положительные корреляции также были зафиксированы между данными Мерсияновой, Минэкономразвития для 2014 и 2015гг ($r_s=0.35$ при $p=0.007$; $r_s=0.32$ при $p=0.013$) и Карнеги ($r_s=0.23$ при $p=0,061$). Что касается результатов Петренко, значимых корреляций с другими рейтингами обнаружено не было.

Межсекторное партнерство. Здесь сравнивались АЯ и МСП рейтинги, автором которых является Якимец и рейтинг «Юристов за гражданское общество». Результаты АЯ-рейтинга были доступны за 2009 и 2011 гг. Методика представлена в двух вариантах: весовой и безвесовой (см. раздел 1). Два варианта рейтинга хорошо коррелируют между собой: $r_s=0.89$, при $p<0.000$ для 2009 года, и $r_s=0.97$ при $p<0.000$ для 2011 года. Таким образом, присвоение экспертами весов не сильно изменяет оригинальный рейтинг. Кроме того, рейтинги 2009 и 2011 годов неплохо коррелируют между собой: $r_s=0.54$, при $p<0.000$ для «невесового» варианта, $r_s=0.47$ при $p<0.000$ «весового».

МСП-рейтинг 2011 года основывается на результатах АЯ-рейтинга, но добавляет к нему экспертную оценку работоспособности механизмов МСП в регионе. Он также представлен в двух модификациях: с региональными весами и федеральными весами. Несмотря на то, что федеральный и региональный варианты рейтингов очень хорошо коррелируют между собой ($r_s=0.80$, при $p<0.000$), не было выявлено статистически-значимой корреляции между АЯ-рейтингами 2011 года в обоих вариантах и МСП-рейтингом того же года с региональными весами эффективности механизмов. Рейтинг с федеральными весами слабо коррелирует с АЯ-рейтингом 2011 года без весов значимости механизмов ($r_s=0.31$ при $p=0.004$, и $r_s=0.30$, при $p=0.001$ с весами). Отсутствие корреляции между АЯ-рейтингами и МСП-рейтингом с региональными весами дает основания предполагать, что оценки эффективности работы механизмов МСП в регионе экспертами из данного региона значительно отличаются от декларируемого официальными источниками наличия данных механизмов в субъекте.

АЯ-рейтинг 2009 года слабо коррелирует с рейтингом «Юристов за гражданское общество» 2017: $r_s=0.30$ при $p=0.024$ для «весового» варианта, и $r_s=0.24$ при $p=0.032$ для «невесового». Чуть выше связь у исследования «Юристов за гражданское общество» с рейтингом 2011 года (примерно 0.40 при $p<0.000$). На низкую корреляцию

может влиять большая разница в датах проведения исследований. Также была обнаружена слабая ($r_s=0.25$ при $p=0.012$) корреляция рейтинга «Юристов за гражданское общество» с МСП-рейтингом 2011 с федеральными весами эффективности механизмов. Статистически значимой корреляции с МСП-рейтингом с региональными весами обнаружено не было. Данные института Карнеги слабо связаны и с «невзвешенными» оценками АЯ-рейтингом ($r_s=0.19$ при $p=0.090$ в 2009; и $r_s=0.19$ при $p=0.082$ в 2011), и с «весовыми» показателями, но лишь по результатам исследования 2009 года ($r_s=0.21$ при $p=0.062$).

Значимые корреляции обнаруживаются и между различными вариантами АЯ-рейтинга и рейтингами Минэкономразвития, исследования потенциала развития гражданского общества ЦИРКОН⁴⁴⁰. В то же время, значимых связей для обоих вариантов МСП-рейтинга обнаружено не было. Рейтинг «Юристов за гражданское общество» значимо связан с рейтингами МЭР 2014 и 2015 годов ($r_s=0.35$ при $p=0.003$ и $r_s=0.32$ при $p=0.006$ соответственно). Средняя корреляция внутри подхода составляет $r_s=0.25$.

Уровень развития НКО в регионе. Для оценки уровня развития НКО использовались рейтинги МЭР. Данные 2013–2015 года очень хорошо коррелируют друг с другом: от $r_s=0.66$ при $p=0.000$ и выше. Корреляции с 2017 годом гораздо слабее ($r_s=0.33$ при $p=0.007$, $r_s=0.45$ при $p=0.000$, $r_s=0.47$ при $p=0.000$), что может обуславливаться не только временными изменениями, но и разностью методик. Средняя корреляция внутри подхода составляет $r_s=0.58$.

Рейтинги позитивно связаны с рейтингом центра Карнеги (r_s от 0.33 до 0.48) и, за исключением 2013 года, с классификацией по потенциалу развития гражданского общества ЦИРКОН (r_s от 0.22 до 0.51).

Благотворительность. Развитию благотворительности на уровне регионов были посвящены два исследования с разной методологией. Из исследования ЦИРКОН 2013 года были взяты данные «федерального» этапа исследования, по результатам которых регионы РФ были кластеризованы с точки зрения условий развития благотворительности. Рейтинг «Русфонд» 2014 года посредством опроса замерял участие жителей регионов в благотворительной активности.

По результатам кластеризации ЦИРКОН, Москва и Санкт-Петербург получили наибольшее значение и были определены как «флагманский» кластер. Наименьшие значения получила группа регионов, в состав которой, помимо прочих, входит республика Дагестан⁴⁴¹. Этот кластер был обозначен как «инерционно-аутсайдерский». Последующие экспертные опросы подтвердили эти результаты. Тем временем, в

⁴⁴⁰ Для корреляционного анализа были использованы результаты только «Классификации российских регионов по потенциалу развития гражданского общества» ЦИРКОН. Типы регионов были упорядочены в порядке возрастания «уровня жизни». Упорядочить кластеры из исследования «Благотворительность в Российских регионах» не представляется возможным.

⁴⁴¹ Республика Дагестан – единственный регион из кластера «аутсайдеров» в исследовании ЦИРКОН, который также присутствует в рейтинге «Русфонд».

рейтинге «Русфонд» ситуация оказалась противоположной: республика Дагестан занимает первое место рейтинга благотворительности, Санкт-Петербург оказался в последней десятке рейтинга, Москва – ниже медианы. В рейтинге «Юристов за гражданское общество» Москва и Санкт-Петербург тоже получили низкие оценки, а вот оценки центра Карнеги совпали с результатами кластеризации ЦИРКОН. В целом, относительно Москвы и Санкт-Петербурга имеются сильные различия в зависимости от конкретной методики. Если говорить о других исследованиях, то данные «Русфонд» негативно коррелировали только с рейтингом МЭР 2015 ($r_s = -0.30$ при $p = 0.041$). Статистически-значимой корреляции с результатами других рейтингов обнаружено не было.

Что касается всей выборки, средняя корреляция составляет $r_s = 0.17$, что позволяет нам подтвердить выдвинутую гипотезу: рейтинги внутри подходов действительно более схожи, нежели внутри всей выборки. Однако к этому результату следует отнестись с осторожностью, так как причиной более высоких средних корреляции в группах «межсекторное партнерство» и «уровень развития (СО) НКО» является сравнение рейтингов разных лет или вариантов одного и того же рейтинга. За исключением этих случаев, сильной связи не было обнаружено ни внутри, ни вне тематических групп. Более того, вопреки ожиданиям, некоторые подходы (рейтинг благотворительности «Русфонда» и кластеризация регионов Петренко), значимых положительных связей с подходами других групп вообще не продемонстрировали, хотя направлены на изучение одно и того же концепта.

Причины различий в оценках гражданского общества

Наш анализ показал, что даже в рамках одного и того же направления не наблюдается единства в оценке регионов с точки зрения состояния гражданского общества. Основная причина отмеченных различий кроется в отличающихся подходах к концептуализации и операционализации последнего. Здесь необходимо отметить, что в подавляющем большинстве проанализированных работ рейтинг регионов составлялся не на основе оценки состояния гражданского общества как такового, а на основе предпосылок для его развития (социальных и экономических), или же на анализе развития отдельных его компонентов (благотворительность или взаимодействие между властью и обществом).

Разобраться в концептуальных различиях позволяет сравнительный анализ индикаторов, составляющих рассматриваемые рейтинги (см. Таблицу 5). Группа «общественное участие» опирается на индивидов как акторов гражданского общества и включает в себя поступки на благо других людей: благотворительность, добровольчество, политическую деятельность (напр. митинги и демонстрации), членство и участие в общественных организациях. Таким образом, сюда входит широкий спектр и гражданских, и социальных практик [Скалабан, 2011]. Группа «уровень организованности и ресурсы» отражает уровень институционализации

гражданского общества и характеризуется через количество действующих в регионе НКО, доступные им человеческие, финансовые и информационные ресурсы, а также их представленность на рынке социальных услуг. Заметим, что содержательная вариация наблюдается и внутри данных групп индикаторов. Так, например, в «общественное участие» могут входить как институциональная, так и протестная активность, а «уровень организованности» может характеризовать как положение СО НКО, так и НПО в регионе. Группа «среда» отражает контекст или факторы, оказывающие влияние на развитие индивидуальных гражданских практик и некоммерческого сектора в целом. Она разделена на 4 подгруппы:

1. *Политическая среда* (уровень развития демократии, уровень коррупции, качество государственного управления);
2. *Экономическая* (ВРП на душу населения, уровень бедности, среднедушевые денежные доходы населения, доля отправленных в туры российских туристов от всего населения региона);
3. *Социокультурная* (уровень социального доверия, солидарности, ответственности, ощущения личной безопасности, уровень образования населения, число посещений театров и число ВУЗов);
4. *Нормативно-правовая* (наличие или отсутствие правовой базы для эффективной деятельности некоммерческих организаций в регионе, предоставление НКО льгот и имущественной и информационной поддержки, содействие развитию их кадрового потенциала, формирование общественных советов и т.п.).

Таблица 5. Сравнение индикаторов, использованных в проанализированных работах

Автор/ Индикаторы	Общественное участие	Уровень организованности и ресурсы	Среда			
			Политическая	Экономическая	Социокультурная	Нормативно-правовая
Мерсиянова	+				+	
Петренко, Галицкая	+				+	
Якимец						+
«Юристы за ГО»						+
МЭР 2017		+				
МЭР 2011–2015	+	+				+
ЦИРКОН_ГО	+			+	+	
ЦИРКОН_благ		+	+	+	+	
Русфонд	+					
Карнеги (Петров, Титков)	+	+				

Как видно из Таблицы 5, рассматриваемые рейтинги значительно варьируются в выборе конкретных показателей. Кроме того, различия присутствуют в способе построения итоговых показателей ГО и способе ранжирования регионов. Часть исследований (ЦИРКОН, Петренко) типологизируют субъекты РФ при помощи

кластерного анализа. Другие – используют композитный индекс, измеренный по метрической шкале (Якимец, рейтинг «Юристов за гражданское общество», результаты конкурсов МЭР и рейтинг «Русфонд»). Третьи ранжируют регионы, используя порядковые шкалы (работы Мерсияновой, Карнеги).

Следствием этого являются невысокие корреляции даже между рейтингами, построенными в рамках одного и того же содержательного подхода. Так, работы Петренко и Мерсияновой, использующих сходные индикаторы, и один и тот же источник данных, дают разные оценки гражданского общества в регионах. При этом рейтинг Мерсияновой [2008] все же коррелирует с рядом других подходов [МЭР, 2014; МЭР, 2015; Петров, Титков, 2013] даже несмотря на разницу во времени в 5–7 лет. Таким образом, можно предположить, что более предпочтительным все же является ранжирование регионов, а не кластеризация.

Любопытные результаты получены для работ под авторством Якимца. В то время, как АЯ-рейтинг регионов, в целом, коррелирует с результатами других исследований межсекторного партнерства, МСП-рейтинг, учитывающий экспертную оценку реальной эффективности работы этих механизмов, дает несколько другие результаты. Это может свидетельствовать и о сильном искажении экспертных оценок, и о наличии разрыва между официально декларируемыми механизмами межсекторного партнерства и их реальном воплощении. Разница в результатах «федерального» и «регионального» МСП-рейтинга также подчеркивает важность выбора экспертов: результаты оценки экспертов лишь знакомого им региона отличаются от результатов оценок ими всех регионов, что может свидетельствовать о влиянии субъективных факторов, таких как предвзятость. Особое внимание стоит уделить и тому факту, что МСП-рейтинг с региональными весами не коррелирует с другими рейтингами из этой же группы, в то время как МСП рейтинг с федеральными весами демонстрирует слабые, но значимые связи. С другой стороны, вероятно и обратное объяснение, когда именно региональные эксперты гораздо лучше знают ситуацию и поэтому их оценки отличаются от других.

Различия результатов рейтингов могут также объясняться временной динамикой, однако, наш анализ показывает, что корреляции между рейтингами, рассчитанными для разных годов по неизменной технологии, варьируются от средних до высоких (r_s от 0.48 до 0.82). Это говорит о некоторой стабильности трендов и позволяет их сравнивать несмотря на временную разницу в сборе данных.

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что результаты ранжирования или группировки регионов напрямую зависят от особенностей концептуализации, операционализации, методов расчета значения или кластеризации, и выбора весовых коэффициентов.

Выводы

В результате данной работы, авторы приходят к выводу, что рейтинги гражданского общества в регионах Российской Федерации значительно различаются, и что едва ли существует единый рейтинг, достаточно полно измеряющий данный концепт. Мы обнаружили, что одни работы подчеркивает ключевую роль общественной деятельности индивидов, другие отражают состояние некоммерческого сектора, а третьи – предпосылки для его развития. Большинство же рейтингов содержит в себе различные комбинации этих компонентов. Безусловно, общественное участие и количество НКО в совокупности с имеющимися в их распоряжении ресурсами представляют собой аспекты гражданского общества. Они входят в определение Анхейера [Anheier, 2013], а также представлены в виде индивидуального и организационного компонентов структуры гражданского общества в модели Хайнриха [Heinrich, 2005]. Однако экономические, социокультурные, политические и нормативно-правовые предпосылки для создания гражданского общества, не являются его прямыми индикаторами, а отражают факторы, обуславливающие это явление. Включение таких факторов непосредственно в индекс не позволяет адекватно проанализировать, какие же аспекты внешней среды на самом деле могут способствовать активизации гражданского общества в регионах Российской Федерации.

Это означает, что перед исследователями гражданского общества, а также перед теми учеными, кто желает использовать состояние гражданского общества как фактор, обуславливающий другие явления, стоит задача выбора наиболее подходящего по наполнению рейтинга или же создания нового и более актуального. В последнем случае, в качестве исходного материала для оценки гражданского общества исследователи могут использовать данные официальной статистики, представленные на сайтах Росстата, Минюста и Минэкономразвития. Среди прочего, доступна информация по регионам о количестве общественных и религиозных организаций, НКО и СО НКО, средняя численность работников и добровольцев, количество заявок на участие в конкурсах МЭР и Фонда Президентских Грантов, и т.д. Здесь, однако, необходимо отметить, что в докладе Общественной Палаты за 2017 год утверждается, что подобные количественные показатели, собранные на данный момент разными ведомствами, часто противоречат друг другу и «не позволяют провести реальный учет НКО, не дают представления о структуре третьего сектора» [Общественная палата Российской Федерации. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год, 2017: 24]. Результаты всероссийского обследования НКО, проведенного Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора в 2007 году, также указывают на то, что количество реально действующих НКО более чем наполовину завышено в данных официальной статистики [Мерсиянова, Якобсон, 2007]. Таким образом, систематический сбор и анализ количественных

данных о состоянии некоммерческого сектора продолжает оставаться высокоприоритетным направлением научно-исследовательской деятельности.

Важно учесть, что большое значение имеют конкретные методики создания интегральных показателей. Так, очевидно, что кластеризация или объединение регионов в группы – это менее чувствительные к региональным различиям инструменты. Кроме того, важную роль играет способ подбора экспертов. Как показали результаты нашего анализа, мнения федеральных и региональных экспертов могут сильно варьироваться. Таким образом, предпочтение следует отдавать исследователям, знакомым хотя бы с несколькими регионами, а также соотносить их оценки с видением региональных специалистов.

Идеи для будущих исследований в данной области можно почерпнуть из обращения к межстрановыми инструментам сравнения уровня развития гражданского общества, таким как Индекс устойчивости организаций гражданского общества (CSOSI) Агентства США по международному развитию (USAID), проекта Сравнительные исследования некоммерческого сектора (Comparative Non-Profit Sector Project) Университета Джонса Хопкинса, Индекс гражданского общества (CSI) Всемирного альянса за гражданское участие (CIVICUS). Так, недостаточную освещенность в российских региональных индексах и классификациях имеют следующие аспекты гражданского общества, активно исследуемые зарубежными коллегами:

1. *Взаимодействие между общественными организациями*, то есть уровень координации, готовности к саморегулированию и общественному действию в третьем секторе и может быть измерено, например, как доля организаций, осуществлявших встречи или обмен информацией с другими НКО, или как количество действующих ассоциаций НКО в регионе.

2. *Правозащитная деятельность* как способность некоммерческого сектора способствовать продвижению общественных интересов, оказывать влияние на деятельность государства в сфере социально значимых проблем и осуществлять контроль над такой деятельностью. Они могут быть измерены, например, как количество решений региональных органов власти, на которые повлияли действия НКО.

3. *Транслируемые ценности и установки*, которыми руководствуются участники гражданского общества (как отдельные акторы, так и организации) в своей общественной деятельности, и которые они распространяют и продвигают. В Индексе гражданского общества, например, измерение данного аспекта базируется на представленности ценностей, отраженных во Всеобщей декларации прав человека ООН (например, демократия, толерантность, прозрачность, гендерное равенство и др.), однако возможен и более идеологически нейтральный подход к данному вопросу. Так, изучение состава общественных организаций в регионе с точки зрения направления их

деятельности (патриотические, семейные, религиозные, социальные, правозащитные, экологические и т.д.) позволит отразить ценностные установки, преобладающие в гражданском обществе данного региона.

В заключении, необходимо отметить, что исследования российского гражданского общества нуждаются в теоретическом и методическом осмыслении, позволяющем оценить плюсы и минусы существующих подходов, а также выработать более согласованный подход к его измерению. В дальнейшем, это позволит реализовать адекватный и корректный анализ факторов, способствующих активизации или стагнации гражданского общества в регионах России.

Приложение 1

Подходы к оценке состояния гражданского общества в регионах РФ

Источник данных	Социологический опрос ФОМ	Социологический опрос ФОМ	Экспертная оценка + НПА	НПА	Гос. Статистика	Гос. Статистика	Гос.Статистика + Соц. опрос ФОМ	Гос.Статистика + Индексы для кластеризации. Экспертная оценка	Телефонный опрос	Экспертная оценка
N	68	68	83	85	85		83	83/ 10	54	83
Формат данных	Шкала от 1 до 6	5 кластеров	Шкала от 0 до 1	Шкала от 0 до 13	Шкала от 0 до 100	Шкала от 0 до 100	8 кластеров	6 кластеров	Шкала от 0 до 100	Шкала от 1 до 5
Подход	Гражданские практики и установки	Гражданские практики и установки	МСП	МСП	Уровень развития СО НКО	Уровень развития СО НКО	Факторы развития ГО	Благотворительность	Благотворительность	Состояние ГО
Год сбора данных	2008	2007–2008	2009, 2011	2017	2017	2015	2011	2013	2014	2013
Авторы	Мерсиянов	Петренко, Галицкая	Якимец	“Юристы за ГО”	МЭР	МЭР	ЦИРКОН	ЦИРКОН	Русфонд	Петров, Титков
Название	Благоприятность предпосылок для развития гражданского общества	Гражданское общество: социология субъектов РФ	АЯ и МСП-рейтинги	Наличие нормативно закреплённых механизмов взаимодействия общества и власти в субъектах РФ	Рейтинг субъектов РФ по итогам реализации механизмов поддержки СОНКО	Конкурсы МЭР среди субъектов	Классификация российских регионов по потенциалу развития гражданского общ.	Благотворительность в Российских Регионах	Рейтинг частной благотворительности	Рейтинг демократичности регионов московского центра Карнеги

Приложение 2

Регионы, участвующие в исследованиях гражданского общества

	Карнеги	Мерсиян	Петренко	Петренко 11	АЯ и МСП	Циркон рит.	Циркон предпосылки	Юристы	МИНЭК 2013	МИНЭК 2014	МИНЭК 2015	Русфонд
Республика Адыгея	+				+	+	+	+	+	+		
Республика Башкортостан	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Республика Бурятия	+				+	+	+	+	+	+	+	
Республика Алтай (Горный Алтай)	+				+	+	+	+	+	+	+	

Сравнительный анализ подходов к оценке гражданского общества в регионах России

Республика Дагестан	+				+	+	+	+		+	+	+
Республика Ингушетия	+				+	+	+	+				
Кабардино-Балкарская Республика	+				+	+	+	+	+	+	+	
Республика Калмыкия	+				+	+	+	+	+	+	+	
Республика Карачаево-Черкессия	+				+	+	+	+	+	+	+	
Республика Карелия	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	
Республика Коми	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Республика Марий Эл	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Республика Мордовия	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	
Республика Саха (Якутия)	+				+	+	+	+	+	+	+	
Республика Северная Осетия – Алания	+				+	+	+	+	+		+	
Республика Татарстан	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
Республика Тыва	+				+	+	+	+	+	+	+	
Удмуртская Республика	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Республика Хакасия	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	
Чувашская Республика	+	+	3	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Алтайский край	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Краснодарский край	+	+	+		+	+	+	+	+	+		+
Красноярский край	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Приморский край	+	+	+		+	+	+	+			+	+
Ставропольский край	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+
Хабаровский край	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+
Амурская область	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	
Архангельская область	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Астраханская область	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Секция 19. XVI Всероссийская научно- практическая конференция по межрегиональной программе...

Белгородская область	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Брянская область	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Владимирская область	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
Волгоградская область	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
Вологодская область	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Воронежская область	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+
Ивановская область	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+
Иркутская область	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Калининградская область	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Калужская область	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+
Камчатский край	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Кемеровская область	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
Кировская область	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Костромская область	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Курганская область	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Курская область	+	+	+		+	+	+	+				+
Ленинградская область	+	+	+		+	+	+	+		+	+	+
Липецкая область	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
Магаданская область	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	
Московская область	+	+	+	+	+	+	+	+				+
Мурманская область	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
Нижегородская область	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
Новгородская область	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Новосибирская область	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Омская область	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
Оренбургская область	+	+	+		+	+	+	+	+			+
Орловская область	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	

Сравнительный анализ подходов к оценке гражданского общества в регионах России

Пензенская область	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
Пермский край	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+
Псковская область	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	
Ростовская область	+	+	+		+	+	+	+		+	+	+
Рязанская область	+	+	+		+	+	+	+		+	+	+
Самарская область	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Саратовская область	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
Сахалинская область	+	+	+		+	+	+	+				
Свердловская область	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
Смоленская область	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Тамбовская область	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Тверская область	+	+	+		+	+	+	+	+	+		+
Томская область	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Тульская область	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Тюменская область	+	+	+		+	+	+	+	+			Включен в Ханты-Мансийский
Ульяновская область	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+
Челябинская область	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+
Забайкальский край	+				+	+	+	+	+	+	+	+
Читинская область		+	+						+			
Ярославская область	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+
г. Москва	+	+	+	+	+	+	+	+				+
г. Санкт-Петербург	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Еврейская автономная область	+	+	+		+	+	+	+			+	
Республика Крым								+			+	
Ненецкий автономный округ	+				+	+	+	+	+	+	+	Включен в Архангел

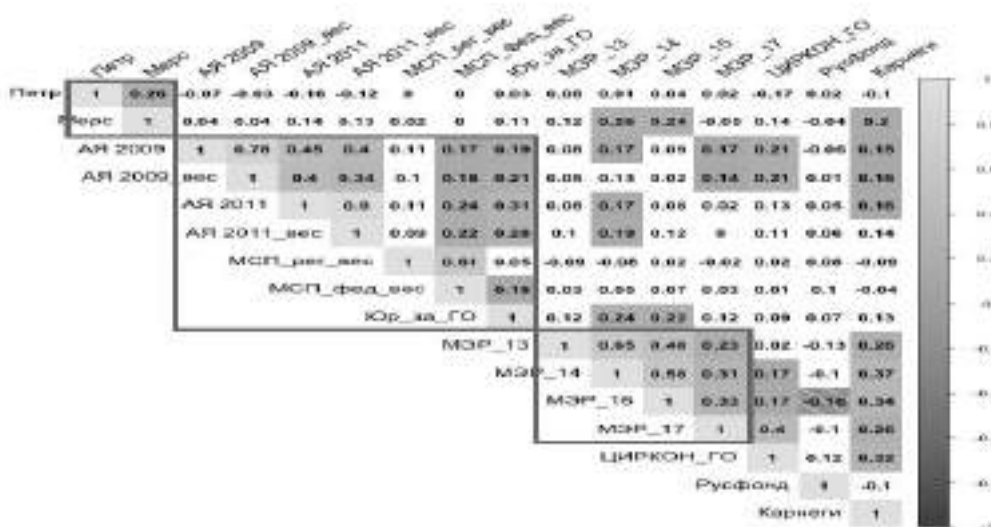
													ьскую Область
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Чукотский автономный округ	+				+	+	+	+	+	+	+		
Ямало-Ненецкий автономный округ	+				+	+	+	+	+	+	+		
г. Севастополь								+			+		
Чеченская республика	+				+	+	+	+			+		
Итого	83	68	68	38	83	83	83	8	66	70	74	54	

Приложение 3

**Индикаторы, использованные в исследованиях
И. Мерсияновой и Е. Петренко, Е. Галицкой**

Индикатор	Вопрос	Петренко	Мерсиянова
Доверие	Как Вы считаете, большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми следует быть осторожными?	+	+
	Одни считают, что людям можно доверять. Другие считают, что с людьми нужно быть поосторожнее. Какая точка зрения Вам ближе – первая или вторая?)	+	
	Людям, с которыми у Вас много общего, Вы доверяете больше, чем всем остальным, меньше или так же, как всем остальным?		+
Социальная поддержка	Есть ли у Вас друзья, знакомые, на чью помощь в сложных жизненных ситуациях Вы могли бы твердо рассчитывать? И если есть, то таких людей много или мало? Или это один человек?	+	
Предрасположенность к общественной солидарности и коллективным действиям	Как Вы думаете, сегодня в нашей стране среди людей больше согласия, сплоченности или несогласия, разобщенности?	+	
	А если говорить о людях, которые окружают лично Вас, среди них сегодня больше согласия, сплоченности или несогласия, разобщенности?	+	+
	Есть люди, готовые объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают. И есть люди, не готовые объединяться с другими для каких-либо совместных действий, даже если их идеи и интересы совпадают. К кому бы Вы отнесли себя – к первым или ко вторым?	+	+
	Насколько часто можно встретить сейчас среди окружающих Вас людей готовность объединяться, чтобы вместе решать общественные проблемы, <u>которые не касаются их лично?</u>	+	+
	Насколько часто можно встретить готовность помогать друг другу?		+

	Насколько часто можно встретить готовность объединяться, чтобы решать <u>свои</u> проблемы?		+
Отношение к органам власти	По Вашему мнению, власти понимают и учитывают интересы таких людей, как Вы, или нет?	+	
	Как Вы считаете, правительство России работает хорошо или плохо?	+	
Уровень добровольчества и частной филантропии	Если не говорить о семье и ближайших родственниках, за последний год Вам приходилось или не приходилось оказывать по собственной инициативе помощь, поддержку кому-либо, совершать поступки на благо других людей, заниматься благотворительностью?	+	+
	За последние два-три года Вы занимались, помимо своей основной работы, добровольной и безвозмездной деятельностью на благо других людей (не членов семьи и не близких родственников)?		+
Уровень ответственности	В какой мере Вы чувствуете ответственность за то, что происходит в Вашей семье?	+	
	В какой мере Вы чувствуете ответственность за то, что происходит у Вас на работе?	+	
	В какой мере Вы чувствуете ответственность за то, что происходит у Вас в доме, во дворе, где Вы живете?	+	+
	В какой мере Вы чувствуете ответственность за то, что происходит в нашем городе (селе, поселке)?	+	+
	В какой мере Вы чувствуете ответственность за то, что происходит в стране?	+	
Ощущение личной безопасности	Скажите, пожалуйста, в последнее время Вы чувствуете себя в безопасности?		+
	Кто лучше всего может Вам помочь в обеспечении личной безопасности по месту жительства? (нормированное среднее число субъектов обеспечения общественной безопасности)		+
Уровень информированности	О каких общественных и других некоммерческих организациях, и инициативах в нашем городе (селе, поселке) Вы знаете или хотя бы слышали? (нормированное среднее)		+
Уровень участия	В деятельности каких общественных объединений и других некоммерческих организаций, общественных гражданских инициатив Вы принимаете участие, членом каких общественных организаций Вы являетесь? (нормированное среднее)		+
Всего вопросов		15	15

Коэффициенты корреляции Кендалла между различными рейтингами

Библиографический список

Алескеров Ф. Т., Беляева Н. Ю. Количественный анализ развитости гражданского общества в регионах России: параметры, методика, пилотные исследования // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2008. № . 1. С. 160–168.

Алескеров Ф. Т., Беляева Н. Ю., Бычкова Е. Б., Закамская Е. В., Юзбашев Д. А. Сравнительный анализ развитости гражданского общества трех регионов России // Человеческий фактор в управлении (под ред. Н. А. Абрамовой, К. С. Гинсберга, Д. А. Новикова). М: КомКнига, 2006. С. 83–109.

Ассоциация «Юристы за гражданское общество». Итоги исследования наличия нормативно закрепленных механизмов взаимодействия общества и власти в субъектах Российской Федерации [Электронный ресурс] // Ассоциация «Юристы за гражданское общество»: [веб-сайт]. URL: http://lawcs.ru/nekommercheskoe-zakonodatelstvo/novosti-stati-issledovaniya/izmeneniya-zakonodatelstva/lawcs_2017.pdf/ (дата обращения: 13.09.2018).

Благотворительность в российских регионах. Сводный отчет о реализации проекта. (версия 22.01.2014). М.: ЦИРКОН, 2013.

Гегедюш Н. С. К вопросу об оценке состояния гражданского общества в субъектах Российской Федерации // Власть. 2012. № . 11. С. 61–64.

Классификация российских регионов по потенциалу развития гражданского общества. Краткий отчет по итогам анализа данных (версия 2.1 от 13.09.2011). М.: ЦИРКОН, 2011.

Мерсиянова И. В. Мониторинг состояния гражданского общества в России: возможности реализации и перспективы развития // Гражданское общество в России и за рубежом. 2011. № . 1. С. 43–47.

Мерсиянова И. В. Российское гражданское общество в региональном измерении // Мониторинг общественного мнения экономические и социальные перемены. 2009. № 4 (92). С. 26–44.

Мерсиянова И. В., Якобсон Л. И. Негосударственные некоммерческие организации: институциональная среда и эффективность деятельности / Сер. «Мониторинг гражданского общества». Вып. II. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007.

Министерство экономического развития Российской Федерации. Анализ результатов рейтинга субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере за 2017 год [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации: [веб-сайт]. URL: <http://nko.economy.gov.ru/portalnews/read/4606/> (дата обращения: 02.11.2018).

Министерство экономического развития Российской Федерации. Конкурсный отбор субъектов Российской Федерации для предоставления в 2013 году субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию программ поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации: [веб-сайт]. URL: <http://nko.economy.gov.ru/Tender/Details/42> (дата обращения: 13.09.2018).

Министерство экономического развития Российской Федерации. Конкурсный отбор субъектов Российской Федерации для предоставления в 2014 году субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию программ поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации: [веб-сайт]. URL: <http://nko.economy.gov.ru/Tender/Details/186> (дата обращения: 13.09.2018).

Министерство экономического развития Российской Федерации. Конкурсный отбор субъектов Российской Федерации для предоставления в 2015 году субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию программ поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации: [веб-сайт]. URL: <http://nko.economy.gov.ru/Tender/Details/656> (дата обращения: 13.09.2018).

Мотрошилова Н. В. О современном понятии гражданского общества // Вопросы философии. 2009. № 6. С. 12–32.

Общественная палата Российской Федерации. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. 2006 [Электронный ресурс] // Общественная палата Российской Федерации: [веб-сайт]. URL: <https://www.oprf.ru/files/files/doklad.pdf> (дата обращения: 10.08.2018).

Общественная палата Российской Федерации. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. 2008 [Электронный ресурс] // Общественная палата Российской Федерации: [веб-сайт]. URL: <https://www.oprf.ru/files/Doklad-OPRF-2008.pdf> (дата обращения: 10.08.2018).

Общественная палата Российской Федерации. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год [Электронный ресурс] // Общественная

палата Российской Федерации: [веб- сайт]. URL: https://www.oprf.ru/files/1_2018dok/doklad_OPRF_2017.pdf (дата обращения: 10.08.2018).

Петренко Е. С. Гражданское общество: картография российских регионов по результатам опросов ФОМ 2007–2008 г.г // NovaInfo. Ru. 2011. № . 5. С. 351–362.

Петренко Е., Галицкая Е. Гражданское общество: социография субъектов РФ. 2008 [Электронный ресурс] // Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора: [веб-сайт]. URL: https://grans.hse.ru/sem_11_12_08/ (дата обращения: 10.08.2018).

Петров Н. В., Тутков А. С. Рейтинг демократичности регионов Московского центра Карнеги: 10 лет в строю. М.: Московский центр Карнеги, 2013 [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги: [веб- сайт]. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_Petrov_Rus_2013.pdf (дата обращения: 10.08.2018.).

Рудакова О. Ю., Захаров В. М., Полевой И. Н. Рейтинг активности субъектов российской федерации по результатам участия в федеральном конкурсе региональных программ поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций // Международный Научно-Исследовательский Журнал. 2016. № 3 (45) Часть 1. С. 121– 124.

Русфонд. Рейтинг [Электронный ресурс] // Русфонд: [веб-сайт]. URL: <https://rusfond.ru/rating>. (дата обращения: 10.08.2019.).

Скалабан И. А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1 (13). С. 130–139.

Шабунова А. А., Афанасьев Д. В., Гужавина Т. А., Дементьева И. Н., Кожина Т. П., Ластовкина Д. А. Региональное гражданское общество: динамика развития: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 170 с.

Якимец В. Н. АЯ- и МСП-рейтинг субъектов РФ по развитию МСП. 2011 [Электронный ресурс] // Управление общественно-политических связей министерства региональной политики Новосибирской области: [веб-сайт]. URL: dops.nso.ru/forum/Documents/rejting_jakimets.ppt (дата обращения: 10.08.2018).

Якимец В. Н. Индекс для оценки и мониторинга публичной политики. В сб. Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт взаимодействия. М.: РАПН; РОССПЭН, 2008. С.107–121.

Якобсон Л. И., Мерсиянова И. В., Кононыхина О. Н., Беневоленский В. Б., Памфилова Э. А., Проскуракова Л. Н., Туманова А. С. Гражданское общество в модернизирующейся России: аналитический доклад Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по итогам реализации проекта «Индекс гражданского общества – CIVICUS». М.: НИУ ВШЭ, 2011. 66 с.

Anheier H. Civil Society: Measurement, Evaluation, Policy. Routledge, 2013.

Chandhoke N. et al. The limits of global civil society. Global Civil Society 2002. 2002. P. 35–54.

Cohen J. Statistical power analysis for the behavioral sciences. 2nd. 1988.

Ehrenberg J. Civil society: The critical history of an idea. NYU Press, 2017.

Heinrich V. F. Studying civil society across the world: Exploring the thorny issues of conceptualization and measurement // Journal of Civil society. 2005. Vol. 1. № 3. P. 211–228.

Heinrich V., Fioramonti L. (ed.). CIVICUS global survey of the state of civil society: Comparative perspectives. Kumarian Press, 2007. Vol. 2.

Kaldor M. Global civil society: An answer to war. John Wiley & Sons, 2013.

Lorentzen H. Sector labels // Third sector research. Springer, New York, NY, 2010. P. 21- 35.

Mendel S. C. Are private government, the nonprofit sector, and civil society the same thing? // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2010. Vol. 39. № 4. P. 717–733.

Newton K. Trust, social capital, civil society, and democracy // International Political Science Review. 2001. Vol. 22. № 2. P. 201–214.

Pagoulatos G., Kastritis P. Theorizing and assessing civil society: a review of approaches // The Jean Monnet Papers on Political Economy. 2013. № 03.

Salamon M. L. et al. Global civil society. 1999.